

Буканьерки

Эдит Уортон

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У64

Edith Wharton
THE BUCCANEERS

Перевод с английского *Анны Матвеевой*

Литературный редактор *Анна Шеремет*

Художественное оформление *Натальи Каиштыкиной*

Уортон, Эдит.

У64 Буканьерки / Эдит Уортон ; [перевод с английского А. Матвеевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 464 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-242577-6

В 1870 году пять молодых и богатых американок — Нэн, Кончита, Джинни, Лиззи и Мэйбл — отправляются в Лондон покорять высшее общество. Юная Кончита выходит замуж за английского лорда Ричарда, и после пышной свадьбы он приглашает её подруг — Нэн, Джинни, Лиззи и Мэйбл — пожить в Лондоне и посетить бал дебютанток. Но жизнь в Старом Свете оказывается не такой простой: их свободолюбие и дух новизны приходится не по нраву высокомерным англичанам. Между героями возникают сложные отношения, интриги и борьба за независимость в обществе, где женщины только начинают отвоёвывать свои права.

Прогрессивный роман Эдит Уортон во многом опередил свое время, показывает пересечение двух культур: американской свободы и новизны с устоявшимися традициями британской аристократии. В судьбах героинь проявляется столкновение культур, социальное неравенство и ограничения, которые накладывает общество на женщин того времени. Это история о взрослении, поиске себя и любви, в которой переплетаются личные амбиции и общественные ожидания.

Автор умерла в 1937 г., роман «Буканьерки» она закончила на 29-й главе, оставив сюжетные наброски, позволяющие понять, как сложились судьбы пяти героинь романа. Спустя почти 60 лет по оставшимся наброскам роман дописала литературовед, писательница, Мэрион Мейнваринг (1922–2015).

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-242577-6

© Матвеева А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Книга первая

I

Сезон скачек в Саратове был в самом разгаре. Столбик термометра показывал более девяноста градусов¹, и солнечная пыль повисла на вязах, растущих вдоль улицы напротив отеля «Гранд-Юнион», а также над небольшими треугольными газонами с молодыми пихтами, защищёнными низеньким белым заборчиком от проделок собак и детей. Жена одного из самых заядлых любителей скачек, миссис Сент-Джордж, расположилась на широкой веранде отеля: кувшин лимонада со льдом у её локтя, пальмовый веер в изящной ручке. Взгляд её скользил между высокими белыми колоннами портика, неизменно вызывавшего у искущённых путешественников ассоциации с афинским Парфеноном. По воскресеньям эта веранда была полна джентльменов в высоких шляпах и сюртуках — они наслаждались прохладительными напитками и гаванскими сигарами и обозревали длинную просёлочную улицу, засаженную тонкими вязами; но сегодня мужчины были на скачках, и на веранде царила сонная атмосфера: ряды стульев занимали дамы и юные девушки, которые равнодушно ждали их возвращения, обмахиваясь шелестящими веерами и потягивая напитки со льдом.

Миссис Сент-Джордж смотрела на большинство дам с меланхоличным неодобрением. Она вздохнула, думая

¹ Примерно 32 градуса по Цельсию (здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора).

о том, как изменились времена с тех пор, как впервые, лет десять назад, сама прохаживалась по этой же веранде, влача за собой кринолиновые юбки. В таких тоскливых размышлениях миссис Сент-Джордж проводила свои долгие праздные часы. Жизнь никогда не была лёгкой, но бывали времена и получше: когда полковник Сент-Джордж не пропадал за игрой в покер и на бирже, когда дети были маленькими, кринолины всё ещё были в моде, а Ньюпорт не успел затмить все остальные курорты.

Что, например, могло быть красивее и уместнее для леди, чем чёрная юбка из альпаки, собранная в складки, словно оконная портьера, поверх алой нижней юбки из саржи¹, причём всё это дополнено свободным чёрным поплиновым жакетом с широкими рукавами и муслиновыми манжетами с оборками и плоской шляпкой «порк пай»², подобной той, в которой запечатлена императрица Евгения³ на пляже в Биаррице? Однако теперь определённой моды как будто и не было. Все носили что хотели, и выглядеть истинной леди было в равной степени трудно как в этих тесных вертикальных полонезах⁴ с пышными драпировками сзади, поставляемых парижскими модистками, так и в вызывающе откровенных вечерних платьях с квадратным вырезом,

¹ Материал, отличительной особенностью которого является характерное диагональное переплетение нитей (*прим. пер.*).

² Фасон шляпы, который носили с середины XIX века. Популярность она приобрела в XX веке, когда её стали носить знаменитые актёры и музыканты. Отличается плоской макушкой, напоминающей традиционный пирог со свиной, благодаря чему шляпа и получила своё название (*прим. пер.*).

³ Евгения де Монтихо (1826–1920) — последняя императрица Франции, супруга Наполеона III. Известна своей красотой; была законодательницей моды для всей Европы (*прим. пер.*).

⁴ Здесь — платье *à la polonaise*, или полонез, получило распространение в конце 1770-х и 1780-х годов и снова вошло в моду в 1870-х. Его форма позаимствована из польского национального костюма — платья с вырезом и несколькими юбками, где верхняя приподнята и задрапирована.

которые миссис Сент-Джордж с неодобрением созерцала в Нью-Йоркской опере. На самом деле, теперь едва ли можно было отличить леди от актрисы или, хм, от женщины иного сорта; да и общество Саратоги, после того как все его лучшие представители перебрались в Ньюпорт, стало таким же смешанным и запутанным, как и мода. Всё изменилось с тех пор, как кринолины вышли из моды, уступив место турнюрам. Взять хотя бы эту новую женщину, миссис Клоссон, или как её там... Смуглая кожа при рыжих волосах, полная фигура при маленьких, как будто неустойчивых ножках. А когда она не бренчит на пианино в отеле, по достоверным сведениям прислуги, то часами лежит на диване в номере и курит... да-да, курит огромные гаванские сигары! Джентльмены, как полагала миссис Сент-Джордж, относились к этой истории как к весёлой шутке; для утончённой женщины это могло быть лишь предметом мучительных размышлений. Миссис Сент-Джордж всегда держалась довольно отстранённо с пышной и жизнерадостной миссис Элмсворт, которая в этот момент сидела неподалёку на веранде. (Миссис Элмсворт постоянно пыталась «пристроиться поближе».) Миссис Сент-Джордж инстинктивно недоверчиво относилась к женщинам, имевшим дочерей того же возраста, что и её собственные. Лиззи Элмсворт, старшая дочь соседки, была почти ровесницей Вирджинии, и некоторые (те, кто предпочитал брюнеток очень светлым блондинкам) могли бы даже счесть её такой же красавицей. «Да и вообще, откуда взялись эти Элмсворты?» — нередко спрашивала миссис Сент-Джордж у своего мужа, вольнодумца и весельчака, который неизменно отвечал: «А ты сначала скажи, откуда мы сами!» — что было нелепо для столь известного в неопределённом районе, который миссис Сент-Джордж звала «Ю-оугом», произнося это слово на особый южный манер, джентльмена.

Но стоило ей представить себе новенькую — смуглую миссис Клоссон, и её странноватую дочку — сейчас-то она неказистая, но мало ли, вдруг неожиданно расцветёт (мис-

сис Сент-Джордж такие случаи видела), — как в глубине её смутной души проснулся инстинкт самосохранения, и её вдруг потянуло к миссис Элмсворт и её дочерям, по которым уже было видно, какими красавицами им предстоит стать. Значительная часть дня миссис Сент-Джордж проходила в мысленной каталогизации и оценке внешних данных молодых дам, в чьей компании её дочери прогуливались взад-вперёд по верандам, и вальсировали, и танцевали польку часами каждый вечер в длинных, пустых гостиничных салонах, так удобно разделённых раздвижными дверьми, которые уходили в стену и превращали две комнаты в одну. Миссис Сент-Джордж вспомнила день, когда её приятно поразил этот вид: вдоль стен выстроились ряды венских стульев, словно чего-то ожидающих, а окна были задрапированы малиновой парчой, пышно ниспадавшей фестонами с нависающих позолоченных карнизов. В те дни бальный зал отеля казался ей тронной залой во дворце; но после того как муж сводил её на бал в нью-йоркском арсенале Седьмого полка, её представления о роскоши изменились. Теперь великолепие «Гранд-Юнион», казалось, вызывало у неё такое же презрение, как и у высокомерной миссис Эглингтон, которая остановилась здесь прошлым летом по пути на озеро Джордж и, после того как услужливый хозяин показал ей «люкс для новобрачных», где стояла кровать с жёлтой дамаской драпировкой, сказала, что на одну ночь сойдёт. В былые годы миссис Сент-Джордж даже льстило, что она знакома с миссис Элмсворт, которая, в отличие от неё самой, была завсегдатаем Саратоги и у которой был крупный, эффектный и обходительный муж с шикарными чёрными бакенбардами, — по слухам, он сколотил приличное состояние на Нью-Йоркской фондовой бирже. Но это было тогда, когда миссис Элмсворт ездила на скачки в шикарном ландо, присланном из Нью-Йорка, — это привлекало, пожалуй, слишком много нежелательного внимания. После того как мистер Элмсворт потерял деньги

на бирже, его жене пришлось распрощаться со своим лан-до и проводить время на веранде отеля с другими дамами, и теперь она больше не внушала миссис Сент-Джордж ни благоговения, ни зависти. Действительно, если бы не эта новая «опасность» со стороны семейства Клоссонов, миссис Элмсворт в её нынешнем положении была бы совершенно незначительной фигурой. Но теперь, когда Вирджиния Сент-Джордж и Лиззи Элмсворт «вышли в свет» (как упорно называла это миссис Сент-Джордж, хотя сами девушки не заметили никаких перемен в своей жизни) и когда красота Лиззи Элмсворт, по мнению миссис Сент-Джордж, стала одновременно более достойной восхищения и менее опасной, а Мейбл, другая дочь Элмсвортов, которая была на год старше её собственной младшей, оказалась слишком костлявой, чтобы представлять угрозу в будущем, да и челюсть у неё была лошадиной, — миссис Сент-Джордж начала подумывать, а не организовать ли им с соседкой некую совместную защиту от новых дам с их дочками? Позднее это не будет иметь такого значения, потому что младшая дочь миссис Сент-Джордж, Нэн, хоть и не такая красавица, как Вирджиния, должна стать, что называется, «очаровательной», и к тому времени, как она будет носить высокую причёску, сёстрам Сент-Джордж нечего будет бояться соперничества. Неделя за неделей, день за днём тревожная мать перебирала все достоинства мисс Элмсворт и сравнивала их с достоинствами Вирджинии. Что касается волос и цвета лица, тут сомнений быть не могло; Вирджиния — вся роза и жемчуг, с копной густых светлых волос, уложенных над низким лбом, была чиста и лучиста, как яблоневый цвет. Но талия Лиззи определённо была по крайней мере на дюйм тоньше (а некоторые говорили, что даже на два), брови у Лиззи имели более смелый изгиб, а ножка... ах, откуда, скажите на милость, у этой выскочки Элмсворт такой дерзкий подъём стопы! Да, но всё же было утешительно отметить, что цвет лица Лиззи был тусклым

и безжизненным по сравнению с Вирджинией, а в её прекрасных глазах читался строптивый характер, способный отпугнуть молодых людей. Тем не менее она в тревожной степени обладала тем, что называлось «стилем», и миссис Сент-Джордж подозревала, что в кругах, куда она так стремилась ввести своих дочерей, стиль ценился даже выше красоты.

Это были те проблемы, в кругу которых вращались её мысли в бесконечные душевные послеобеденные часы, подобно вялым рыбам, метавшимся между унылыми стенками слишком маленького аквариума. И вот теперь в эту застойную среду вторглось новое присутствие. Миссис Сент-Джордж перестала сравнивать свою старшую дочь с Лиззи Элмсворт, сосредоточившись на сравнении обеих девушек с новой приезжей — дочерью неизвестной миссис Клоссон. Слабое утешение миссис Сент-Джордж (хотя она постоянно себе это твердила) находила лишь в том факте, что Клоссоны были никому не известны. Да, полковник Сент-Джордж играл с мистером Клоссоном в покер и имел с ним, как называли это в семье, «деловые связи», но до того момента, когда приятным долгом мужчины становится познакомить коллегу со своим семейством, было ещё далеко. Не имело значения и то, что прошлое самой миссис Клоссон было, если уж на то пошло, ещё туманнее, чем у её мужа: те, кто называл её бедной бразильской вдовой, которую Клоссон подобрал во время деловой поездки в Рио, вызывали лишь усмешки у тех, кто, по всей видимости, был лучше осведомлён: они предпочитали слово «divorcée¹». Даже тот факт, что дочь Клоссона (так называемая), как известно, дочерью Клоссона не была, но носила странное экзотическое имя вроде Сантос-Диос («Полковник говорит, это не ругательство, а такой язык», — поясняла миссис Сент-Джордж миссис Элмсворт, обсуждая новоприбывших), — да-

¹ Разведённая (*фр.*).

же это не смогло успокоить миссис Сент-Джордж. Девушка, каково бы ни было её настоящее имя, была известна как Кончита Клоссон. «Отцом» она называла немногословного мужчину с седыми волосами, появлявшегося в кругу семьи по воскресеньям в «Гранд-Юнион»; и было бесполезно говорить себе, что Кончита непривлекательна и потому незначительна, ибо она обладала именно той неброской внешностью, которая, как знают матери соперничающих дочерей, может внезапно вспыхнуть неотразимой красотой. В настоящее время голова мисс Клоссон была слишком мала, шея слишком длинна, она была слишком высокой, худой и... с почти рыжими волосами (о ужас!). А кожа у неё была смуглой под слоем пудры, которую (да, дорогая, в восемнадцать-то лет!), миссис Сент-Джордж была в этом уверена, она наносила; а эти рыжие волосы и землистый цвет лица — такое сочетание оттолкнуло бы любого, кто услышал бы их описание, вместо того, чтобы своими глазами увидеть его триумфальное воплощение в Кончите Клоссон. Миссис Сент-Джордж поёжилась в своём муслиновом платье в горошек, отделанном валансьенскими кружевами, и накинула на плечи пелерину, отороченную лебяжьим пухом. В тот момент мимо неё одна за другой прошли её собственные дочери, Вирджиния и Нэн; и это зрелище каким-то образом усилило раздражение миссис Сент-Джордж.

— Вирджиния! — окликнула она. Вирджиния остановилась, на мгновение замешкалась, словно колеблясь, стоит ли обращать внимание на оклик, а затем неспешно прошествовала через веранду к матери. — Вирджиния, я не хочу, чтобы ты больше водилась с той странной девицей, — начала миссис Сент-Джордж.

Сапфировые глаза Вирджинии с отстранённым безразличием остановились на её туго застёгнутых лайковых ботинках бронзового цвета, и миссис Сент-Джордж вдруг забеспокоилась, не порвала ли она петлю для пуговицы.

— С какой девицей? — протянула Вирджиния.

— Откуда мне знать? Бог весть, кто они такие. Твой отец говорит, что она была вдовой из одной из тех южноамериканских стран, когда вышла замуж за мистера Клоссона, — я имею в виду мать.

— Ну, если он так говорит, полагаю, так оно и было.

— Но некоторые люди говорят, что она была просто разведена. И я не хочу, чтобы мои дочери общались с такими людьми.

Вирджиния перевела взгляд своих голубых глаз с ботинок матери на небольшую накидку, отделанную лебяжьим пухом.

— Я бы на вашем месте изжарилась в этой штучке, — заметила она.

— Джинни! Ну послушай же меня наконец! — тщетно крикнула мать ей вслед.

Нэн Сент-Джордж не участвовала в разговоре, сначала она почти не обращала внимания на сказанное. Подобные стычки между матерью и дочерью случались ежедневно, почти ежечасно; единственный способ воспитания детей у миссис Сент-Джордж заключался в том, чтобы постоянно кричать на них, запрещая им делать то или это. В свои шестнадцать лет Нэн находилась на пике страстного восхищения своей старшей сестрой. Вирджиния была для неё воплощением всего, чем грезила младшая: безупречно красивая, полностью владеющая собой, спокойная и уверенная в себе. Нэн, которая постоянно жила как на вулкане — пыльные порывы энтузиазма сменялись ледяными ознобами смущения и самобичевания, — смотрела с завистью и восхищением на свою богоподобную старшую сестру. Единственное, что ей не совсем нравилось в Вирджинии, — это её высокомерный тон в обращении с матерью; взять верх над миссис Сент-Джордж было слишком легко, очень похоже на то, что полковник Сент-Джордж называл «стрельбой по сидящей птице». Тем не менее влияние

Вирджинии было столь сильным, что в её присутствии Нэн всегда позволяла себе тот же тон с матерью в тайной надежде привлечь благосклонное внимание сестры. Она даже доходила до того, что изображала для Вирджинии (которая сама не была мастером пародий) миссис Сент-Джордж: то шокированную неряшливым чулком («Мама недоумевает, где нас воспитывали»), то улыбающуюся во сне в церкви («Мама слушает ангелов»), то с подозрением разглядывающую новоприбывших («Мама чует какой-то смрад»).

Но Вирджиния воспринимала такие представления как должное, и, когда бедная Нэн потом, в муках раскаяния, прокрадывалась к матери и шептала, покаянно целуя её: «Я не хотела вас обидеть, мамочка», миссис Сент-Джордж, нервно поправляя свои завитые шиньоны, обычно тревожно отвечала: «Я знаю, дорогая, только не нужно снова портить мне причёску». Искушение, на которое никто не реагировал, ожесточало сердце, и что-то внутри Нэн сжималось и черствело с каждой такой отповедью. Но теперь она всё реже подвергала себя им, предпочитая следовать примеру Вирджинии и игнорировать наставления родительницы. Однако сейчас её преданность Вирджинии пошатнулась. После встречи с Кончитой Клоссон она засомневалась: действительно ли черты лица и цвет кожи — главное достоинство женщины? Задолго до того, как миссис Сент-Джордж и миссис Элмсворт сошлись во мнении относительно приезжей, Нэн уже подпала под её очарование. С того дня, когда она впервые увидела её, насвистывающую, заворачивающую за угол веранды, с её неутомонной головкой, увенчанной развевающейся шляпой из итальянской соломки с розой под полями, и тащившую за собой упирающегося пуделя с большим красным бантом, Нэн ощутила беззаботную силу этой девушки. Что бы сказала миссис Сент-Джордж, если бы одна из её дочерей прогуливалась по веранде, насвистывая и таща за собой

нелепого, почти что игрушечного зверька? Мисс Клоссон, казалось, ничуть не заботили подобные соображения. Она присела на верхнюю ступеньку веранды, вытащила из кармана кусочек конфеты из патоки и велела пуделю: «А ну-ка, вставай и вальсируй, тогда получишь это!», что необыкновенное животное и выполнило, поднявшись на задние лапы и исполнив серию неуклюжих оборотов перед своей хозяйкой, пока та слизывала патоку с пальцев. Все кресла-качалки на веранде перестали поскрипывать, так как сидящие на них выпрямились, чтобы посмотреть на это зрелище. «Цирковое представление!» — заметила миссис Сент-Джордж миссис Элмсворт, на что последняя ответила со своим грубым, раскатистым смехом: «Похоже, они всю жизнь на публике выступали, не так ли?» Нэн слышала их комментарии и подумала, что обе матери ошибаются. Юная Клоссон, очевидно, не замечала, что кто-то смотрит на неё и её нелепого пса; именно эта непринуждённость и покорила Нэн. Вирджиния же была невероятно озабочена тем, как выглядит; она, как и её мать, очень беспокоилась о том, «что скажут люди»; и даже Лиззи Элмсворт, хотя и намного искуснее скрывала свои чувства, не была по-настоящему простой и естественной — она лишь мастерски изображала непринуждённость. Нэн слегка тревожило то, что такие мысли приходили ей в голову, но избавиться от них было невозможно; и когда миссис Сент-Джордж велела дочерям не общаться со «странной девицей» (словно они не знали её имени!), Нэн почувствовала прилив негодования. Вирджиния неторопливо прошествовала дальше, вероятно, довольная тем, что пошатнула уверенность матери в деталях её туалета (предмет многих тревожных размышлений миссис Сент-Джордж); но Нэн резко остановилась.

— Почему я не могу дружить с Кончитой, если она не против?

Чуть поблекшее розовое лицо миссис Сент-Джордж стало бледным.

— Если она не против? Анабель Сент-Джордж, почему ты позволяешь себе так со мной разговаривать? Ради бога, какое тебе дело до желаний этой девицы?

Нэн с силой вдавила каблуки в щель между досками веранды.

— Мне кажется, она прелесть.

Носик миссис Сент-Джордж сморщился от отвращения. Небольшой рот под ним презрительно скривился. «Мать, почуявшая смрад».

— Что ж, когда на следующей неделе приедет новая гувернантка, думаю, ты убедишься, что она относится к таким людям точно так же, как и я. И в любом случае тебе придётся делать то, что она скажет, — беспомощно закончила миссис Сент-Джордж.

Нэн охватил ледяной озноб отчаяния. Новая гувернантка! Она никогда по-настоящему не верила в это далёкое пугало.

Ей казалось, что миссис Сент-Джордж и Вирджиния выдумали эту историю, чтобы иметь возможность упомянуть «гувернантку Анабель»; точно так же, как они когда-то слышали, как высокая, гордая миссис Эглингтон из Нью-Йорка, которая пробыла в отеле всего одну ночь, сказала хозяину:

— Позаботьтесь, чтобы гувернантку моей дочери поселили в комнате рядом с ней.

Нэн и не думала, что дело с гувернанткой пойдёт дальше разговоров; но теперь ей почудился щелчок наручников на своих запястьях.

— Гувернантка — мне?!

Миссис Сент-Джордж нервно облизнула губы.

— У всех стильных девушек появляются гувернантки за год до выхода в свет.

— Мне всего шестнадцать! — возразила Нэн. — Я не выхожу в свет в следующем году.

— Ну, в таком случае их нанимают за два года. Как у этой дочери Эглингтонов.